

УДК 323.1+304.2+39

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2017.27.73

Лопарей ценят за выносливость: исследования саамов в самом северном пасторате финской Лапландии

© **Килли Ритва**, Ph.D, доцент, преподаватель арктической и северной истории, кафедра истории. E-mail: ritva.kylli@oulu.fi
Университет Оулу, Финляндия.

Аннотация. Андерс Анделин был финским священником, который занимался саамскими исследованиями в самом северном пасторате Финляндии в 1850-х гг. Его работы не были исключительными, так как жители европейских сельских пасторатов XIX в. также проводили множество исследований по этой теме. Сам Анделин был этнографом-любителем, историком, археологом, метеорологом, географом, естествоиспытателем, лингвистом и топонимистом.

Как исследователь саамов он занимал промежуточное положение между старыми и новыми научными традициями: середина XIX в. считается поворотным моментом в истории академических исследований в Финляндии. До этого времени исследователи собирали фольклор, исторические источники, растения и данные метеорологических наблюдений. В 1850-х гг. акцент сместился от сбора и систематизации материала к более аналитическим и экспериментальным исследованиям. Анделин публиковал свои труды в научных журналах, собирал много подробной информации о саамском народе, поскольку саамы считались примитивным народом, близким к вымиранию. Представители духовенства, приезжающие в Лапландию, рассматривали саамские земли через призму необходимости их культивирования. Их интересовали статистические данные для обоснования необходимости развития сельского хозяйства в Лапландии.

Ключевые слова: 1800-е гг., Андерс Анделин, финская Лапландия, исследования саамов, саамы

“The Lapps are used like camels in distant lands”: Sámi research in the northernmost parsonage of Finnish Lapland

© **Ritva Kylli**, Ph.D., Docent, University lecturer on Arctic and Northern History, Department of History. E-mail: ritva.kylli@oulu.fi
University of Oulu, Finland.

Abstract. Anders Andelin was a Finnish clergyman who engaged in Sámi research in the northernmost parsonage of Finland in the 1850s. His efforts were not exceptional, as the residents of 19th century European rural parsonages practiced a lot of research. Andelin himself was an amateur ethnographer, historian, archaeologist, meteorologist, geographer, natural scientist, linguist, and toponymist. He was, as a Sámi researcher, between old and new scientific traditions: The middle of the nineteenth century has been regarded as a turning point in the history of academic research in Finland. Until then, researchers collected folklore, historical sources, plants, and meteorological observations. Around the 1850s the focus shifted from collecting and listing towards more analytical and experimental research. Andelin published his writings in scientific journals but also compiled a lot of detailed information related to the Sámi people, as the Sámi were thought to be a primitive people heading towards extinction. The clergymen who came to Lapland also viewed the Sámi lands through the lens of cultivation. They gathered statistics, which could be used to justify the need for the efforts of agriculture in Lapland.

Keywords: 1800s, Anders Andelin, Finnish Lapland, Sámi research, Sámi

Введение

В 1772 г. первая газета Финляндии «Tidningar Utgifne Afet Sällskapi Åbo» опубликовала

описание лапландской деревни Утсйоки, выполненное священником Андерсом Хелландером (Kort underrättelse om Utsjoki By i Torneå Lappmark, samt dess Inbyggare lefnadssätt, tillstånd, wilkor, m.m.). Поскольку район, о котором сообщалось, был очень отдалённым и неизвестным местом, было принято решение опубликовать текст Хелландера без сокращений. В статье Хелландер описывает природу и источники существования в Утсйоки (Ohcejohka), который был полностью населен саамами (или лопарями).¹

В XVIII в. Утсйоки (с населением около 300 саамов) был самым северным регионом шведской Лапландии, расположенным недалеко от северо-запада России рядом с Норвегией. Многие финские пасторы считали Утсйоки исключительно неблагополучным приходом, потому что на всей этой территории почти не было финнов, кроме священника и начальника сельской полиции. Прихожане были отчасти так называемыми горными саамами, занимающимися оленеводством и частично рыбаками-саамами, которые жили рядом с рекой Тено, занимались рыболовством и скотоводством. Образ жизни горных саамов предполагал постоянные перемещения. Семьи рыбаков-саамов могли передвигаться два раза в г., осенью и весной, а это означало, что они имели отдельные жилища и на зиму, и на лето. Горные саамы Утсйоки жили в передвижных хижинах, в то время как рыбаки-саамы строили свои жилища главным образом из торфа [1, Kylli R., с. 20–49].

Андерс Хелландер, переехавший в Лапландию в 1740-х гг., был первым пастором прихода Утсйоки. Его статья была частью усилий по сбору знаний о периферии королевства Швеции. Информация о северных землях была востребована в XVIII в., потому что шведское царство нуждалось в новых ресурсах. Недавно оно потеряло Ливонию, одно из основных зернохранилищ королевства, передав её России согласно Ништадтскому мирному договору в 1721 г. [2, Jutikkala E., с. 333]. Следовательно, ресурсы должны были направляться на оставшиеся территории и развитие на них сельского хозяйства. В переписях, проведённых в середине XVIII в., численность населения королевства оказалось удивительно небольшой, и более эффективное сельскохозяйственное производство рассматривалось как способ её увеличения. В финской истории этот период называется веком полезности [3, Vainio-Korhonen K., с. 15–16; 4, Niemelä J., там же].

Стремление к полезности, а также сбор и классификация новой информации были заметны в публикациях Шведской королевской академии наук XVIII в., основанной в 1739 г. В том же году, когда текст Андерса Хелландера был напечатан в первой финской газете, Ко-

¹ And Hellander, Kort underrättelse om Utsjoki By i Torneå Lappmark. Tidningar Utgifne Af et Sällskap i Åbo, 19 March 1772.

ролевская академия наук опубликовала статью с подробной информацией о пограничной зоне, включая данные о районе проживания саамов между Швецией и Норвегией. Исследователи в этом вопросе особенно интересовались тем, какие районы Лапландии плодородны и подходят для строительства новых населенных пунктов.² Карл фон Линней (1707–1778), прославившийся классификационной системой растений, также совершил свою знаменитую экспедицию в Лапландию в 1730-х гг. Он исследовал окружающую среду Лапландии с точки зрения сельского хозяйства [5, Linnaeus, с. 97].

В 1749 г. духовенством шведской и финской Лапландии было издано официальное постановление о научных и экономических наблюдениях. Оно регулировало проведение метеорологических наблюдений, поиски руды, необходимость архивации старых записей и документов и составление статистических данных о населении Лапландии.³ Тот факт, что священнослужителей, работающих в Лапландии XVIII в., попросили обратить внимание на такие вопросы, как потенциальные месторождения руды, показывает, что были предприняты попытки использовать духовенство для обеспечения экономического роста королевства — в соответствии с утилитарной идеологией того времени.

В начале XIX в. Финляндия стала частью Российской империи. Если в XVIII в. в записях священнослужителей в основном описывались обстоятельства и условия жизни в Лапландии, то в XIX в. они стали фокусироваться на особенностях жизнедеятельности саамов. Описания Лапландии, присущие эпохе полезности, написанные в XVIII в., ушли в прошлое, и новые идеи и идеологии побудили священнослужителей (по крайней мере — частично) увидеть саамов в ином свете. Одним из чиновников, изучавших саамов в Финляндии в XIX в., был Джейкоб Феллман, пастор Утсйоки в 1820-х гг., и увлечённый учёный-любитель различных дисциплин. Среди прочего, он изучал растения и насекомых Лапландии. В списке учебных предметов Имперского Александровского университета Финляндии (Университет Хельсинки, единственный университет в Финляндии) ботаника не значилась до 1850-х гг. До того времени изучение растений в Финляндии было в руках врачей и других энтузиастов-любителей. Кроме ботаники, Феллман интересовался энтомологией, изучением насекомых.

²Slutet om Land- och Fjäll-rygggarne, samt Gränsen imellan Sverige och Norrige. Kongl. Vetenskaps Academiens Handlingarförår 1772, Vol. XXXIII, <http://www.biodiversitylibrary.org/item/181815#page/77/mode/1up> (дата обращения: 02.02.2017).

³Direktionens över Lappmarkens ecklesiastikverk arkiv: Lappmarksbeskrivning av Johan Elers (Instruction 12 April 1749, 1262–1272). Riksarkivet (RA).

Он переписывался с учёными европейских университетов по этим вопросам. Он также был членом различных ассоциаций по естествознанию.⁴

Помимо насекомых и растений, Феллман был очень заинтересован в исследовании народа саами. Он хотел задокументировать как можно больше данных об их культуре, потому что считал, что они обречены на вымирание. Феллман встречал многих саамов и в своих путешествиях за пределами Финляндии (саамы жили в северных районах Финляндии, Норвегии, Швеции и на Кольском полуострове в России), и он знал, что саамы — это люди, разделённые разными землями и королевствами. Он понимал, что иностранное влияние разделило их язык на региональные диалекты, и теперь они не могли с лёгкостью понимать друг друга. Феллман считал это главной причиной надвигающегося вымирания саамов: «Уныла судьба жителей Лапландии. Какую роль эти люди, в своё время возможно столь многочисленные, играли в развитии человеческой расы, остается тайной для нас. Но мы можем быть уверены, что эти времена остались в прошлом, и что эти люди никогда не займут какое-либо значимое положение; вместо этого сейчас, в течение уже долгого времени, здесь царит упадок. Время, когда они будут жить только в наших воспоминаниях, не за горами, особенно в масштабе исторических эпох.» [6, Fellman J., с. 626–627].

Современник Джейкоба Феллмана, Ларс Леви Лестадиус, родился в 1800 г., с 1826 г. работал на севере шведской Лапландии (приход Каресуандо). Лестадиус был также страстным ботаником. Он классифицировал растения Лапландии всё ещё в духе XVIII в.: его коллекция растений, по мнению Линне, была своеобразной попыткой составления карты растений и систематизации всей информации. На более позднем этапе Лестадиус также изучал саамскую религию и попытался организовать её в систематическую мифологию. Лестадиус, который с конца 1840-х гг. стал известен как основатель нового движения лютеранского возрождения лестадинизм, считал растения творениями Бога, однако сбор растений приносил дополнительный доход для поддержания его большой семьи. Лестадиус также проводил метеорологические измерения в Лапландии, за которые умеренно хорошо платили [7, Pentikäinen J., Pulkkinen R., с. 41–51].

Священнослужители, такие как Лестадиус и Феллман, невольно стали единственными специалистами по всем вопросам, связанным с саамами в Швеции и Финляндии XIX в. Их опыт был очень востребован как церковью, так и светскими лицами, принимающими решения. Священнослужители, которые были отправлены в Лапландию, представляли собой не-

⁴Membership books of scientific societies. Fellman family collection 11. The National Library of Finland; Jacob Fellman's letters to C.G. Mannerheim. C.G. Mannerheim's letters Coll 141.4. The National Library of Finland.

большую группу людей, которые жили в землях саамов и владели важным инструментом власти: письменностью.⁵

Были также некоторые менее известные официальные лица, тем не менее достигшие экспертного статуса по вопросам саамов во время работы в Лапландии. Эта статья посвящена относительно малоизвестному священнику, изучавшему саамов в финской Лапландии: Андерсу Анделину, который работал пастором в Утсйоки во второй половине XIX в. Автор исследует традиции ранних веков: утилитарную идеологию, высокое внимание к сельскому хозяйству, исследовательские обязанности, возложенные на духовенство, а также новаторские идеи того времени, отражённые в трудах Анделина, который, например, был современником английского естествоиспытателя Чарльза Дарвина (1809–1882). Интересно, делал ли Анделин какие-либо расовые различия в своих текстах? В качестве исходного материала автор использует популярные и научные статьи Анделина о саамах.

В середине XIX в. Лапландия всё ещё оставалась далекой территорией, отделённой от остальной Финляндии. Дорог там не было, и почтовая служба доходила до самой северной Лапландии только изредка. Священнослужители, работавшие в Лапландии, должны были делать свою работу наилучшим образом; иначе они подвергались риску просто быть забытыми на крайнем севере до конца своих дней. Большинство из них надеялось провести всего несколько лет на далеком севере, среди саамов, а затем переехать на юг Финляндии и занять более приятную должность, проживая среди своих соотечественников-финнов. Другими словами, накопленный в Лапландии опыт работы мог трансформироваться в безопасное будущее в теплых и уютных пасторатах на юге — это награда, ради которой стоило изучать саамский язык, а также образ жизни саамов посредством любительских этнографических исследований [1].

Андерс Анделин (1809–1882)

Андерс Анделин родился в Хяме, южной провинции Финляндии, в 1809 г. в городе Куста. Глава семьи был деревенским портным. Он умер, когда Андерс был ещё молод. Несмотря на ограниченные возможности, сыну удалось окончить школу: он изучал богословие в Имперском Александровском университете в Финляндии и окончил его в качестве священника в 1835 г. После университета Анделин был нанят помощником священника и проповедником в деревне Хонкайоки на юго-западе Финляндии. Позднее он был священником в

⁵ В определённый момент саамы учились писать в школе в Утсйоки в 1740-х гг., но вскоре это было завершено приказом: «В определенных конъюнктурах в приграничных поселениях, и особенно среди простых людей, вряд ли это будет политически здоровым или полезным»: ' Utsjoki visitationprotocol 14 February 1748 § 6. Turku Cathedral Chapter to Dir., 23 April 1748. Direktions öfver Lappmarkens ecklesiastikverk arkiv, Ink. skriv. 1748. RA.

Утсйоки с 1853 по 1859 гг., а в начале 1860 г. занимал должность священника в Палтамо (в регионе Кайнуу, Финляндия), где работал до своей смерти в 1882 г.⁶

В конце 1852 г. Андерс Анделин обратился с просьбой предоставить ему должность пастора в Утсйоки. До этого времени свои 43 года жизни он провёл в сельских деревнях и городах южной Финляндии. По сравнению с Хонкайоки, субарктический Утсйоки был другим миром. Практически все жители Утсйоки говорили на своем родном саамском языке, что означало, что финские священнослужители не могли легко общаться со своей паствой без изучения их языка. Кроме того, сам приезд в Лапландию часто был шокирующим опытом для финских священнослужителей. Один священник, переехавший в Лапландию в 1837 г., был настолько потрясён своими первыми встречами с местными саамами, что он был вынужден на некоторое время сбежать в близлежащий лес, прежде чем снова бросить вызов «грязным гнёздам саамов» [8, Castrén M., с. 37–38]. Священник находился в состоянии культурного шока, который часто возникает во время адаптации к новой культуре. Новая ситуация является стрессовой и вызывает стремление к старой, более предсказуемой и более понятной среде. Чем неохотнее происходит приспособление к новой ситуации, тем сильнее будет культурный шок [9, Raiskio T.].

В своём новом приходе Анделин обнаружил много проблем. Он не испытывал романтического миссионерского настроения, так как уже в первые месяцы жизни в Утсйоки думал о переезде в более южный приход. Вероятно, он уже обращался с просьбой о предоставлении ему должности пастора в Утсйоки, потому что его нынешняя должность помощника священника уже не соответствовала его возрасту. В мае 1817 г. императорский сенат решил, что священникам будет дано право продвигаться на более привлекательные должности после определённого количества успешных лет службы в Лапландии. Чтобы заработать продвижение, священнослужители должны были провести восемь лет в Утсйоки. Когда ему ранее удалось получить должность в южном приходе, Анделин ещё не провел все восемь лет в Утсйоки. Он страдал в Лапландии от ревматической боли, точно так же, как Джейкоб Феллман и многие другие пасторы Утсйоки XIX в. [1, там же].

В апреле 1854 г. Анделин женился на Джемине Кантинкоски, дочери фермера из Хонкайоки. У них было в общей сложности восемь детей, трое из которых родились в Утсйоки. Во время пребывания в Утсйоки, Анделин изучал язык саамов и переводил основные христианские тексты на саамский вместе со своим инструктором, саамским учителем Аслаком Лайти (1836–1895). Помимо лингвистической практики, Анделин активно изучал Лапландию и са-

⁶Anders Andelin's resume. Oulu Cathedral Chapter Archives Bb:1. National Archives (NA).

амов. Он написал ряд статей о своих наблюдениях и расширенный отчёт об Утсйоки и его обитателях, который был использован в качестве основного источника информации об Утсйоки XIX в. В своей пасторской работе Анделин сосредоточился на развитии образования простых людей, продвижении и развитии сельского хозяйства [1, там же].

Анделин писал для многих финских изданий, в том числе для старейшей газеты на севере Финляндии на финском языке “Oulun Wiikko-Sanomia”, основанной в городе Оулу в 1829 г. Газета была создана одновременно с Экономическим обществом провинции Оулу, целью которого было продвижение сельского хозяйства на севере Финляндии. Газета “Oulun Wiikko-Sanomia” также была сосредоточена на финском сельскохозяйственном образовании. Редакторы были заинтересованы в публикациях естественнонаучных статей, так как считали, что такая информация повышает уровень осведомлённости общественности. В течение 1830-х гг. газета была практически естественнонаучным изданием [10, Tommila P., с. 10–39].⁷

Анделин также публиковал свои работы в научных журналах. Наиболее примечательной из них была статья, опубликованная в «Suomi-journal» финского литературного общества. Общество было основано в 1831 г. с целью пропаганды финской культуры, подкреплённой автономным статусом Финляндии в Российской империи. Некоторые из основателей общества были также заинтересованы в изучении языков этнических меньшинств. Финское литературное общество публиковало много книг, предназначенных, например, для нужд школ в XIX в., но, как писал «Suomi», «Tidskrift I Fosterländska ämnen считался основным научным изданием финского общества» [11, Sulkunen I., с. 17, 104]. Доклад Анделина о приходе Утсйоки был принят к публикации в этой научной серии в 1858 г.

Проводить научные исследования в Лапландии было достаточно непросто. Учёные самой южной части Швеции и Финляндии не доверяли научному уровню изолированных приходов Лапландии. Например, Лестадиуса критиковали за то, что у него не было приличной библиотеки, поэтому результаты его исследований стали (в некоторой степени) довольно односторонними [7, с. 57–58]. В пасторате Утсйоки была небольшая библиотека, но в основном в ней были христианские, медицинские и лингвистические издания⁸. Пасторы обычно привозили свои собственные библиотеки в Лапландию. Предшественник Анделина, умерший в Утсйоки в 1852 г., владел (согласно его инвентарной книге), например, следующими книгами: Opetuskirjamaanviljelemisestä (учебник по сельскому хозяйству), этнографическое издание Anteckningarom Kemi Lappmarkaf Sjögren (Noteson Kemi Lappmarkof Sjögren),

⁷ До конца 19 века издания на саамском языке не публиковались. Например, Nuorttanaste, христианский журнал, который стал популярным в Утсйоки, начал свою деятельность в 1898 г.

⁸ Inventory lists 1858–1950. Utsjoki parish archives IIIWI:1. NA.

книга по ботанике: *Botanologioch Skandinaviens Floraaf Haartman*.⁹ Сам Анделин умер, как упоминалось, в 1882 г. Его книжная собственность не была подробно упомянута в его инвентарных документах. Однако он владел при жизни термометрами, барометрами, картами и другими необходимыми научными инструментами.¹⁰

Через призму культивирования земель

Фредерик Купер [12, с. 164] упоминает в своей книге «Колониализм: теория, знание, история», что во время завоевания Америк, например, миссия состояла не только в обращении в иную веру, но и в приобретении сельскохозяйственных колоний. Так было и в пасторатах саамского региона. Исследования, проведённые в Лапландии, во многом были связаны с сельскохозяйственным мышлением. Сельскохозяйственная революция (интенсификация сельского хозяйства с применением механизации и разведение растений и животных) началась в Англии в XVII в., тогда как огородничество одновременно стало более популярным в северной Европе. Новое отношение к обработке земли и выращиванию зерновых культур привело к появлению нового отношения к окружающей среде, которая была сформулирована на языке «культивирования».

Это также нашло отражение во взаимодействии с коренными народами. Европейцы с семенами и сельскохозяйственными орудиями колонизировали земли коренных народов и в целом относились к землям посредством терминологии их родных ландшафтов. Духовенство, приехавшее в Лапландию, также рассматривало саамские земли через призму культивирования — несмотря на то, что выращивание зерновых культур в промерзающих землях обычно было делом чрезвычайно сложным [13, Thrush C., с. 1–35].

Ларс Леви Лестадиус, изучавший саамов в шведской Лапландии, также интересовался возможностью развития сельского хозяйства в Лапландии. В своей первой публикации «Om möjligheten och fördelen af allmänna uppodlingar i Lappmarken» «О возможности и пользе всеобщего культивирования в Лапландии» (1824) он размышлял о том, как сельскохозяйственные культуры и люди приспосабливаются к суровым условиям северных районов¹¹. В этой статье Лестадиус выразил положительное отношение к возможностям культивирования земель в шведской Лапландии. Его выводы основывались на статистических данных и таблицах — он проводил наблюдения и измерения (например, сравнение температур почвы в

⁹ Fredrik Wilhelm Stjerncreutz's estate inventory deed 1852. Lapland Judicial District, Court District of Muonio etc. parishes Ecl:2. NA.

¹⁰ Anders Andelin's estate inventory deed 1882. Kajaani Judicial District EclV:8. NA.

¹¹ Lars Levi Læstadius, Om möjligheten och fördelen af allmänna uppodlingar i Lappmarken. Stockholm 1824, <http://runeberg.org/omlappmark/0003.html> (дата обращения: 22.01.2017).

разных районах) при посещении Лапландии во время одного из его ранних научных исследований [7, с. 52–53].

Евангелическая лютеранская церковь Финляндии возлагала большие надежды на труд Анделина в качестве священника. На своей предыдущей должности в Хонкайоки, Анделин упорно трудился, способствуя продвижению сельского хозяйства, в том числе возглавлял государственную компанию по строительству подземных водостоков, за что ему были присуждены имперские почести. Непосредственный начальник, декан (старший после епископа) Лапландии Якоб Фредрик Лильеблад (1809–1862), надеялся, что саамы смогут перенять финский образ жизни. Он очень доверял навыкам Анделина в популяризации сельского хозяйства: по его словам, человек, который был назначен на должность в Утсйоки, был «известным фермером из Хонкайоки» [14, Raittila P., с. 114].

Анделин не терял времени. Помимо продвижения идеи сельского хозяйства, он упорно трудился, прививая цивилизацию саамам всеми возможными способами, подчёркивая важность чистоты, воздержания от алкоголя и необходимости упорного труда. Анделин также считал необходимым улучшить состояние животноводства в Лапландии. Согласно одной из его статей, саамы обычно держали своих коров в тёмных торфяных хижинах, напоминавших пещеры. Кормление зимой было минимальным, а летние пастбища были немногим лучше. Путешествуя по реке Тено, пограничной реке между Норвегией и Финляндией, Анделин также наблюдал за жизнью в Финнмарке, Северная Норвегия. По его словам, жителям Финнмарка удалось добиться ещё большего успеха в животноводстве, чем саамам Утсйоки. Например, они не удаляли навоз из коровника, используя лопату, но делали это голыми руками, после чего начинали доить коров, одновременно пили молоко, не помыв свои грязные руки. Коровье вымя становилось чистым во время доения, а затем молоко также обрабатывалось вручную. Анделин полагал, что жители Финнмарка хотели улучшить свою жизнь, но, как саамы финской Лапландии, были склонны цепляться за старые привычки очень упорно, фактически блокируя все попытки их цивилизовать.¹²

Весной 1856 г. по просьбе Анделина Экономическое общество провинции Оулу отравило 12 мотыг и лопат в Утсйоки и Инари, соседний с Утсйоки саамский приход. Анделин предполагал раздать эти инструменты бесплатно тем, кто пообещал заняться земледелием. Ассоциация также отправила в Утсйоки семена широко распространённых культур. В целях содействия выращиванию картофеля, ассоциация организовала отправку семенного картофеля в Утсйоки в течение следующих нескольких лет. Семена были посеяны летом 1856 г.

¹²А. А., Utsjoelta 19 p. kesäk. Oulun Wiikko-Sanomia, 7 August 1858.

Однако урожай стал разочарованием, так как некоторые из зерновых культур не смогли прорасти, а всходы вскоре погибли. Турнепс, посаженный после летнего солнцестояния, начал расти благодаря периоду дождей, но вместе с ним начали расти сорняки, и саамы, не привыкшие к сельскохозяйственным работам, считали очистку поля от сорняков слишком утомительной задачей. Июньские морозы в конечном счёте уничтожили даже турнепс.¹³ Анделин [15, с. 176] писал о перспективах развития сельского хозяйства в своем докладе об Утсйоки в 1858 г.: он пытался, например, найти плодородную почву в Утсйоки. Там были несколько островов, которые, хотя были очень каменистыми, могли быть использованы в качестве полей. Кроме того, рядом с рекой Тено находились несколько участков земли, подходящих для использования в качестве ферм или пастбищ. Почва, однако, была песчаной, но её можно было удобрять с помощью глины и навоза.

Когда люди встречают иностранцев, они обычно пытаются определить, чем представители других культур отличаются от них самих. Чем больше отличий, тем труднее воспринимать и оценивать представителя иной культуры. В этом случае наблюдатели часто опираются на стереотипы, которые являются одним из способов сделать мир вокруг менее сложным и более понятным [16, Löytty O., с. 11]. Стереотипное мышление, однако, легко подменяет факты и приводит к тому, что качества и характеристики чужой культуры отвергаются и высмеиваются [17, Berry J., с. 299]. Например, кочевой образ жизни горных саамов был полной противоположностью ценностям Анделина и других финских священнослужителей. Их неприятие традиционного образа жизни саамов часто приводило к перегибам, когда священнослужители стремились изменить жизнь саамского сообщества за одну ночь до чего-то совершенно другого. Одним из таких перегибов была попытка заставить саамов стать фермерами и отказаться от оленеводства, их источника средств к существованию, очень хорошо подходящего для арктических условий.¹⁴

В Утсйоки некоторые из саамов, как уже упоминалось, зарабатывали на жизнь рыболовством и скотоводством, в то время как некоторые пасли оленей, проводя лето на побережье Северного Ледовитого океана и зимой, возвращаясь с побережья. К XIX столетию горные саамы стали источником возмущения для священнослужителей Утсйоки, так как саамы не очень хорошо знали финский язык и, следовательно, по мнению священнослужителей, по-прежнему оставались несведущими касательно учения о Христианстве. Церковь также осуждала горных саамов из-за их беззаботного образа жизни. Они перенесли судьбу многих

¹³ Suvi (kesä) Utsjoen lapissa w. 1856. *Oulun Viikko-Sanomia*, 11 October 1856.

¹⁴ См. например: Aslak Laiti, Nöyriä toiwoituksia Lapinmaalta! Tapio, 18 January 1862.

других кочевых народов: поскольку у них не было постоянного жилья или сельскохозяйственных угодий, они считались нецивилизованными [1, с. 425].

Оседлые народы как культурные существа

Анделин, как уже упоминалось, был корреспондентом газеты «*Oulun Wiikko-Sanomia*», издававшейся в Оулу, крупном городе в Северной Финляндии, примерно на полпути между Утсйоки и столицей Хельсинки. Он написал свою подробную статью об Утсйоки, которая была опубликована полностью в журнале «*Suomi*» («Финляндия») в 1858 г. и частично состояла из его публикаций в *Oulun Wiikko-Sanomia*.¹⁵

1848 г. был г. революций в Европе. Венгерская революция 1848 г. также повлияла на условия жизни в Финляндии (которая входила в состав Российской империи). Николай I, Император России, отправился в Венгрию со своими войсками. Вскоре после этого, в начале 1850-х гг, в Финляндии были введены цензурные меры, которые включали значительные ограничения на статьи, публикуемые в газетах. Статьи о религиозных или социальных проблемах не допускались; беллетристика и новости тоже исключались. Тем не менее, к публикации были рекомендованы статьи, пропагандирующие преимущества сельского хозяйства. После Крымской войны (1853–1856) цензурные меры несколько смягчились по сравнению с требованиями очень строгой политики начала 1850-х гг. [10, с. 52–68]. Однако цензура не слишком ограничивала творчество Анделина в Утсйоки, так как писать о злободневных делах было невозможно в любом случае из его отдаленного форпоста, связанного с южной Финляндией только посредством медленных и ненадежных почтовых связей. В 1854 г. он писал: «Отсюда я не могу писать о войне или подобных вещах, только о моих собственных экскурсиях и изменениях погоды»¹⁶.

Анделин писал очень много и изучал Лапландию с разных точек зрения. Он был этнографом-любителем, историком, археологом¹⁷, метеорологом, географом, естествоиспытателем, лингвистом и топонимистом. Его интересовала, среди прочего, этимология названия Утсйоки.¹⁸ Он очень хотел опубликовать результаты своих исследований для современных финских читателей. Статья Анделина о приходе Утсйоки насчитывала, например, 126 страниц.

¹⁵Andelin's letter to the Finnish Literature Society 1858. Letter Collection 62vir. The Literary Archives of the Finnish Literature Society (Helsinki).

¹⁶A.A. Utsjoelta 16 p. elokuuta. Oulun Wiikko-Sanomia, 21 October 1854.

¹⁷Анделин также работал археологом-любителем после отъезда из Лапландии. Он стал интересоваться названиями на саамском (такими как Акковаара) на своем новом месте проживания, в регионе Кайнуу, и он также провел там несколько археологических раскопок. Henkilösarja osa 19: Antti Andelin (интервью доцента Reijo Heikkinen 9.2.2012). URL: <http://areena.yle.fi/1-1440781> (дата обращения: 25.01.2017).

¹⁸A.A. Utsjoen Lapinmaalta. Oulun Wiikko-Sanomia, 6 October 1855.

Анделин с энтузиазмом воспользовался результатами предыдущих исследований саамов, так как иногда цитировал норвежские публикации в своих работах о саамах. Он также написал значительное количество оригинального материала. Анделин читал, например, старые документы приходских архивов Утсйоки. Он совершал экскурсии в районы вблизи Утсйоки, а также записывал наблюдения в своих официальных поездках. При встрече со своими прихожанами-саамами он мог просить их, например, снабдить его местными пословицами или информацией о традиционных способах исцеления. Можно сказать, что Анделин использовал интервью и наблюдение в качестве методов исследования. Благодаря своей работе он посетил много саамских домов, открывая так называемое окно, через которое он мог близко наблюдать за жизнью и обычаями саамов. Однако присутствие финского чиновника в саамском жилище не вызвало естественного поведения у жителей — факт, о котором Анделин был очень хорошо осведомлён. Саамы не обращались с официальным гостем, как с обычным другом или родственником.¹⁹

В течение лет, проведённых в Утсйоки, Анделин записывал свои познания о саамских традициях в книгу детских рассказов и пословиц «Mainac'akja Sädne-Vadjasak Ocjogastc'ok-kijuvvum», написанную на саамском языке. Он пытался собирать детские рассказы уже в первый г. нахождения в Утсйоки, но из-за его ограниченного владения языком эта первоначальная попытка не была успешной. Более того, саамы не всегда стремились стать информаторами священника. В конце концов Анделину удалось записать как минимум пару детских рассказов.²⁰

Андерс Анделин был не единственным, кто интересовался изучением саамов в то время. Напротив, многие официальные лица Финляндии, учёные и исследователи изучали практически всё, что связано с саамами в Лапландии. Это делалось, как уже упоминалось, потому что саамы считались примитивными людьми, близкими к вымиранию: предпринимались попытки для записи информации об их культуре для будущих поколений. Общий консенсус среди финнов в XIX в. заключался в том, что саамы «запечатали» свою судьбу, когда они решили не идти в ногу со временем. Считалось, что если одни люди продолжали жить в каменном веке, а другие продвигались в железный век, их единственная возможная судьба — вымирание [1, с. 444]. Д. Феллман [6, с. 233] описал ситуацию следующим образом: «Здесь (в Инари) привычки, потребности и образ жизни простых людей остались прак-

¹⁹Utsjoen Lapinmaalta. Oulun Wiikko-Sanomia, 18 August 1855; Utsjoen Lapinmaalta. Oulun Wiikko-Sanomia, 25 August 1855.

²⁰A.A. Utsjoelta 1 päiw. marraskuuta. Oulun Wiikko-Sanomia, 2 December 1854; Andelinin utsjoenlappalainen satu- ja sananlaskukeräelmä. Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja LIII. Helsinki 1947.

тически неизменными с незапамятных времен, за исключением того, что лук и стрела были заменены оружием и порохом, а язычество — христианством; Но в большинстве случаев они таковы, какими они были столетия назад. Пути и привычки, однако, имеют тенденцию к изменению в живой окружающей среде. Хорошим примером этого были саамы Утсйоки, которые жили относительно близко к Инари и часто проводили время на побережье Северного Ледовитого океана, откуда возвращались с множеством новых способов и опытом, который превращается в потребности, а они вскоре превращаются в привычки».

Считалось, что различные популяции саамов находятся на разных ступенях эволюционной лестницы. Некоторые придерживались мнения, что саамы-рыбаки ранее были оленеводами. Считалось, что саамы-рыбаки находятся относительно близко к следующей ступени — новаторам и оседлым саамам, которые, тем не менее, располагаются на одну ступень выше рыбаков. В рамках мышления XIX в., оседлые народы считаются значительно более культурными существами, чем кочевые и якобы примитивные саамы [8, с. 39]. Те саамы, которые стали оседлыми, были вознаграждены за проживание в новых районах, выкапывание дренажей и культивирование новых участков суши [1, с. 428–429]. Сельское хозяйство было самой благородной целью даже в самой северной субарктической Европе.

Кто сильнее, тот и прав

Отношение исследователей к саамам в Финляндии отражало дискуссию о расах, которая велась в Европе. Шотландский доктор медицины Роберт Нокс [18, с. 148–153] в своей книге «Расы людей» (1850) классифицировал саамов как одну из «тёмных рас», которая была обречена и неизбежно должна была бы исчезнуть:

«После приблизительно 4000 лет исторического периода всё, что мы имеем — это хронология, полная ошибок и лжи; мы всё ещё находим тёмные расы на земле; об их древней истории абсолютно ничего не известно. И неважно, в каком регионе земного шара мы впервые их увидели. Они не ограничены никакой конкретной зоной, но распространяются как бы от полюса к полюсу; от арктического к антарктическому кругу: если бы лопари были тёмной расой, тогда бы тёмная раса существовала в Европе как раса. По праву сильного, мы захватили Северную Америку, забрав её у родных рас, которым, естественно, принадлежала Америка; мы отвезли их обратно в их примитивные леса, уничтожая их с прискорбием; наши потомки, мужчины Соединённых Штатов, вытеснили нас тем же правом, то есть правом силы.

Посмотрите на глобус: всегда одно и то же: тёмные расы стоят на месте, справедливый прогресс. Англосакс не будет смешиваться с какой-либо тёмной расой и не позволит ей занять и акра земли в его стране, это, по крайней мере, закон англо-саксонской Америки.

Таким образом, судьба мексиканцев, перуанцев и чилийцев не вызывает сомнений. Вымирание расы — уверенное исчезновение — даже не отрицается».

Цена европейских завоеваний — уничтожение «тёмных рас» мира. Англосаксов считали расой победителей, в то время как саамы и другие «тёмные расы» должны были уступить им дорогу.

Популярность понятия неотъемлемых различий между примитивными и развитыми людьми и неизбежное исчезновение первых достигли своего пика после 1859 г., когда идеи Чарльза Дарвина «О происхождении видов» были применены для популяций и народов. Однако расовое мышление, относящееся к человеческому населению, датируется XVIII в., когда системы классификации растений и животных, разработанные в естественных науках, впервые были применены к обществам. Рауна Куокканен [19, с. 240–264] пишет в своей статье «*Alkuperäiskansojen diskurssi ja dekolonisaatio*» («Рассуждение и деколонизация коренных народов»): «Данные о коренных народах изучаются, классифицируются, собираются, описываются, оцениваются наряду с местной флорой и фауной. По словам режиссёра маори Мерата Миты, они помещаются под микроскоп и изучаются, как учёный бы изучал насекомых. Те, кто смотрят в микроскоп, дают себе право делать выводы. Подобные методы исследования, наряду с использованием терминологии, исходящей из зоологии, были использованы для того, чтобы сделать коренные народы менее человеческими, чтобы оправдать их подчинение и эксплуатацию. Поскольку коренные народы считались не людьми, а чем-то более родственным животным, легче было думать о них как о товаре, которым можно было бы торговать, продавать в рабство или перемещать по желанию, как того требуют колониальные державы».

Учение Дарвина оказало влияние на социолога-философа Герберта Спенсера (1820–1903). Спенсер сформулировал понятие «борьбы за существование», сочетая биологические факторы с принципом свободной конкуренции и противопоставляя, например, предоставление государственных субсидий бедным, поскольку он считал бедных неадаптируемым излишком, от которого человечество должно избавиться. Согласно закону природы, выживает сильнейший. Те, кто имеют меньшую ценность, заслуживают уничтожения в великой борьбе за выживание. Теперь европейцам было относительно легко оправдать свою колонизацию, например, Африки, поскольку коренные народы (представители «тёмных рас») в любом случае в какой-то момент будут обречены на вымирание [20, Taylor M., с. 88–89].

В этноцентристском движении финское духовенство также считало саамов примитивными людьми, находившимися ниже культуры финских священников во всех отношениях. С их точки зрения, саамы жили непостижимой жизнью на бесплодной, отдалённой земле,

вдали от удобств мира и общества цивилизованных людей. В отличие от более продвинутых людей, таких как священнослужители и тех, кто был подобен им, саамы даже не помышляли о стремлении к более высокому уровню жизни. В работах, расцвеченных расовым мышлением XIX в., саамы обычно описывались очень шаблонным и стереотипным образом [6, с. 10]. Так было и в случае с Анделином, чей способ писать о саамах был более упрощённым, чем у любого другого священника, служившего в Утсйоки. В 1855 г. он писал так: «Его (саама) лицо меланхолично, глаза маленькие, скулы выступают; мужчины обычно худые и с длинными бородами, которые они лелеют; жены волосатые, как мужчины; толстые, розовощёкие, развратные и похотливые. Лопарь подозрителен по отношению к любому незнакомому человеку. Он даёт короткие ответы, обычно только «не знаю», по-видимому, полагая, что любой задаваемый вопрос может причинить ему вред. Когда его спрашивают о расстоянии между пунктами, он обычно говорит, что никогда не измерял путь. В семейной жизни он миролюбив: он основательный и осмотнительный в своих делах, очень искусный в подъёме и спуске на речных порогах, никогда не потеряется в лесу, не устает под тяжестью поклажи — именно для этого саамы используются в Лапландии, как будто бы они верблюды в пустыне. При выполнении прочих работ и дел они, как правило, медлительны и небрежны.²¹»

Хотя Анделин, по-видимому, демонстрировал очень чёткое отношение к саамам в своих работах, он имел среди них друзей. Анделин, вероятно, считал, например, саамского учителя Аслака Лайти, инструктора по саамскому языку, более чем просто человекообразным существом. Напротив, Анделин был так близок с Лайти, что взял его с семьёй в Палтамо в начале 1860-х гг. Однако работы Анделина того времени характеризуются попыткой стереотипно изобразить саамов как дикарей. Возможно, он читал аналогичные черно-белые описания саамов, прежде чем приехать в Лапландию, и придерживался того же стиля в своих собственных работах [1, с. 449].

В своей подробной статье об Утсйоки Анделин описал саамов в типичном для него стиле. По его словам, несколько семей переезжали в Утсйоки из Финляндии и Финнмарка в течение нескольких веков, и некоторые дети финских официальных лиц также остались в Утсйоки: семья саамов из Хёгмана, например, была потомками Дэвида Эрика Хёгмана, который работал священником в Утсйоки, примерно в XVIII в. Семьи, которые переехали в этот район, впоследствии смешались с саамами, но, согласно Анделину [15, с. 199–201], их черты можно было увидеть в облике жителей Утсйоки: «Семьи лопарей Утсйоки мало напоминают настоящих саамов — их вид отличен. В некоторых семьях, у которых было меньше контактов

²¹A.A. Utsjoen pitäjästä. OulunWiikko-Sanomia, 28 April 1855.

с финнами, всё ещё можно видеть, что старые саамы небольшого роста и имеют слабые конечности. При смешивании с другими народами они становятся выше ростом и больше не имеют слабостей в своих конечностях». Наблюдая за внешностью саамов, Анделин сравнивал их с финнами, хотя он также отметил, что некоторые из саамов выглядели более или менее приближенными к стандарту.

Многие презентации и труды о зарубежных культурах целенаправленно подчёркивают непривлекательные черты «других», часто выделяя более позитивные черты собственной культуры писателя. В этом случае нормой была финская культура, от которой саамы составляли неприятное отклонение. Очевидно, финны нуждались в «более слабых братьях», потому что их собственное положение среди европейского народа было не очень сильным в рамках расового мышления XIX в. С другой стороны, по мнению некоторых финских исследователей XIX в., саамы не были ни братьями, ни даже наполовину братьями финнам. Они были «едва ли даже кузенами», как указывал в своей лекции в 1872 г. финский историк и националист Закрис Топелиус (1818–1898). Топелиус исключил саамов из народа Финляндии вместе с цыганами, евреями и другими «иностранными» гражданами [21, Isaksson P., с. 180–202].

Англосаксы были заняты завоеванием всего мира, и теперь у финнов также была своя крошечная колония в Лапландии. Финны решили считать саамов низшей расой, несмотря на то, что их также считали родственными финнам. Возможность столкновения с саамским меньшинством в роли завоевателей и навязывание им отличительных черт собственной доминирующей культуры, а именно сельского хозяйства и христианства, повышала самооценку финнов. В газетных статьях примитивных саамов жалели из-за их неизбежного вымирания [22, Isaksson P., с. 158–161].

В 1864 г. Лондонское антропологическое общество устроило дебаты об исчезновении так называемых низших рас. На конференции утверждалось, что исчезновение низших рас было лишь вопросом времени. Европейцы находились в процессе завоевания своих земель; быстрое принятие «цивилизации» было бы единственным шансом на выживание, доступным «тёмным расам».²²

Подобное мышление было характерно также и для самого северного прихода Финской Лапландии. Священнослужители хотели предотвратить исчезновение саамов, обучая их цивилизованному финскому образу жизни. По словам преемника Андерса Анделина, Э.В. Борга (работавшего в Утсйоки в 1860–1867 гг.), саамы имели потенциал для развития до тех

²²January 19th, 1864. James Hunt, Esq, President, in the Chair. Journal of the Anthropological Society of London, Volume 2 1864.

пор, пока это происходило под бдительным оком финских официальных лиц. Он писал: «Лапландцы всё ещё находятся в зачаточном состоянии и поэтому нуждаются в хорошем воспитании. Поэтому давайте предоставим им превосходных и надлежащих должностных лиц, как любой хороший и понимающий родитель найдет лучших учителей для своих детей». ²³

Анделин писал, что даже если бы саамы были низкого роста и тёмноволосыми (и их иногда считали родственными евреям), недавние исследования показали, что они, несомненно, относились к финнам. По словам Анделина, финны и саамы принадлежали к «одной нации», и даже если саамы не вполне идентичны финнам, был шанс поднять саамов до финского уровня. ²⁴ Согласно господствующей идеологии, священнослужители каким-то образом получили право, даже обязанность, контролировать жизнь саамов. Как и имперские колонисты XIX в., финские священнослужители приняли на себя «бремя белого человека» [1, с. 448].

Критическое отношение священнослужителей к саамам, нашедшее отражение на страницах газет и в научных публикациях, не говорит всей правды об их взаимодействии. Опубликованные работы подобны скелетам, с которых сорвано всё разнообразие их взаимоотношений. Хотя роль упрощённых понятий, передаваемых священнослужителями, не следует преувеличивать, представители духовенства, работавшие среди саамов, тем не менее считались экспертами по всем вопросам, связанным с саамами. Жители южной Финляндии доверяли их опыту, и их рассказы о саамах могли произвести чёрно-белое впечатление на умы финнов.

Это становится особенно очевидным в газетной статье ранних 1880-х гг., посвящённой находке черепов умерших саами, которые были найдены на кладбище в Инари в 1878 г. для исследовательских целей. Саамское население Инари выразило своё несогласие с тем фактом, что их предкам не позволили пребывать в покое, но вместо этого их черепа эксгумировали и отправили в дальние земли. ²⁵ Один из читателей, пишущий в газету «Uusi Suometar», считал горе саамов удивительным: «После прочтения статьи «Череп лопарей и кладбище Инари» в сегодняшнем «Uusi Suometar» я почувствовал удовлетворение и горе: удовлетворение в связи с тем, как удивительно видеть, что жалкие саамы считают могилы своих предков святыми; горе — потому что так тяжело вспоминать об эксгумации трупов, в ходе которой было вскрыто более ста могил». ²⁶

²³E. W. B., Kuinka Lapissa eletään. Suometar, 10 August 1860.

²⁴A.A., Lappalaisten alkuperä. Suometar, 8 May 1857.

²⁵Kirjeitä Pohjan puolelta. Pohjois-Suomi, 21 July 1880.

²⁶Eräs lukioistanne, Uuden Suomettaren Toimitukselle. Uusi Suometar, 11 January 1881.

Стереотипные описания саамов, вероятно, сыграли определённую роль в создании среди финнов XIX в. концепции о том, что первобытные саамы не смогли бы даже уважать своих усопших. Возможно, читатели предположили бы, что независимо от всех изменений, происходящих вокруг, саамы должны были кочевать к пропасти со своими оленями, счастливые и невежественные, оставляя высокие чувства более продвинутым расам. Это понятие о саамах совершенно не соответствует тому, какими их видели священники в свои гг. работы в Лапландии в XIX в.: любопытными, информированными и современными [1, с. 453].

Выводы об исследованиях народа саамов

Андерс Анделин занимался исследованиями саамов в северном пасторате Финляндии в 1850-х гг. Его работы не были исключительными, поскольку жители европейских сельских пасторатов XIX в. практиковали много научных исследований. Даже Чарльз Дарвин, который предположил в XIX в., что «безголовые гермафродитные моллюски были предками человечества», некоторое время учился для того, чтобы стать англиканским священником в 1820-х гг. Дарвин делал это под давлением своего отца, но даже он сам считал себя будущим пастором. Адриан Десмонд и Джеймс Мур [23, с. 47–48] писали, что в тихом сельском приходе Дарвин мог посвятить себя «самым крошечным членам творения». Подобные примеры были и в Финляндии: Элиас Лённрот (1802–1884) стал известен как важный разработчик письменного финского языка и составитель финского национального эпоса «Калевала». До того, как Лённрот был назначен профессором финского языка в Императорском Александровском университете в 1854 г., он много лет работал врачом в Северной Финляндии. Находясь на этой должности, он считал, что у него нет достаточного количества времени для решения его научных задач, и именно поэтому он планировал подать заявку на должность пастора в тихом саамском приходе Утсйоки в 1840-х гг. [24, Majamaa R., с. 394–400].

Середина девятнадцатого века считается поворотным моментом в истории финских научных исследований. До этого времени исследователи собирали фольклор, исторические источники, растения и данные метеорологических наблюдений. Опубликованные работы часто сопровождалась энциклопедиями финских насекомых, минеральных ресурсов и т.д. Примерно в 1850-х гг. акцент сместился от сбора информации к более аналитическим и экспериментальным исследованиям. Создание научных ассоциаций и написание новых научных публикаций позволило науке достичь совершенно нового уровня. 1840-е гг. стали решающим десятилетием для финских учёных и научных публикаций. Финское литературное общество, а также Финское общество наук и писем (Suomentiedeseura, основанное в 1838 г.) начали публиковать свои научные журналы в течение этого десятилетия. «Suomi-journal»,

который был предназначен для учёных гуманитарных наук, был впервые опубликован в 1841 г. [25, Tommila P., Tiitta A., с. 274–306, 420].

Однако сбор данных всё ещё был необходим, и исследовательская работа не ограничивалась университетом или научными ассоциациями, действующими в Хельсинки. Учёные-любители также могли опубликовать результаты своих исследований в научных журналах во второй половине XIX в. Андерс Анделин как саамский исследователь занимал промежуточное положение между старыми и новыми научными традициями. Он публиковал свои работы в научном журнале и, в соответствии со старой традицией, также собирал много подробной информации о саамах. Анделин собирал статистические данные, которые использовались для обоснования необходимости развития сельского хозяйства в Лапландии. При этом результаты этих исследований дали финскому государству возможность использовать власть против этнических меньшинств. Согласно текстам Анделина, саамов даже иногда сравнивали с животными. У саамов Утсйоки не было шансов изменить эти взгляды, даже когда многие из них начали учиться писать в конце XIX в. [1, с. 415].

Переехав в Палтамо, Анделин начал рассматривать Лапландию с новой, южной точки зрения. Это стало очевидным, когда деревня Оутакоски (в западной части Утсйоки у реки Тено) стала причиной проблем для финских чиновников в конце 1800-х гг.: деревня превратилась в ужасное место из-за чрезмерного пьянства и буйного поведения жителей. Для того чтобы решить проблему, власти спросили совета пасторов, ранее служивших в Утсйоки, что нужно сделать, чтобы воздействовать на нарушителей спокойствия.

Анделин сказал, что у него есть хорошие воспоминания о христианском характере жителей деревни Оутакоски, иными словами, ситуация ухудшилась после того, как он покинул Утсйоки. Похоже, Анделин относился к саамам мягче, хотя по-прежнему стереотипно, по крайней мере, по сравнению с замечаниями, которые он делал в своё время в Утсйоки. Теперь он утверждал, что саамы любили власти и были послушны чиновникам, пока с ними хорошо обращались. Но если к ним будут относиться жестоко, они вполне могут пасть низко или сбежать на норвежскую сторону границы [1, с. 320–324].

Воспоминания Анделина о саамах, вероятно, со временем стали более мягкими, или его отношение никогда не было столь же экстремальным, как это иногда казалось, судя по его статьям, опубликованным в 1850-х гг. Также изменился общий тон его газетных публикаций, сделанных в преклонном возрасте. В его статье, написанной в 1870-х гг. для издававшейся в Оулу газете «Kaiku», в Анделин защищал жителей Оутакоски и обвинял финских чиновников в их безразличии к ситуации. Он посоветовал чиновникам: «...тот, кто идет туда [к

Утсйоки], должен оставить в уме финские пути». Теперь Анделин изображал саамов честными и трудолюбивыми. Он даже изложил более или менее понятные причины воровства северных оленей, которое было свойственно некоторым жителям Оутакоски, и, по крайней мере, отчасти обвинял начальника сельской полиции Утсйоки и других официальных лиц.²⁷

В Утсйоки статью Анделина читали с недоверием. Согласно ответу, также опубликованному в газете, один из саамов, живших в Оутакоски, во время чтения статьи Анделина закричал: «Что за чушь этот [*удалено*] теперь начал писать?». Автор ответа удивился, почему Анделин не задержался дольше в Утсйоки, где он мог бы больше рассказать о делах саамского района, если он сейчас так хочет критиковать своих преемников и власти.²⁸

Тон работ Анделина изменился, когда ему больше не приходилось спать в торфяных хижинах или пробираться по колено в снегу, или есть кашу из коры, предложенную ему его саамской паствой [1]. Отношение Анделина к саамам отражало европейские расовые дебаты XIX в., и, более того, его собственную жизненную ситуацию. Этнографические статьи, которые Анделин написал в Утсйоки, возможно, показали его разочарование в его работе в глуши. Анделин был назначен на должность священника в Утсйоки в относительно преклонном возрасте. Он приехал в район саамов с намерением остаться. Обязательный восьмилетний период прошёл, но его супруга не была родом из Лапландии, поэтому адаптация к новой жизни среди саамов была непростой задачей. С плохим здоровьем, вызванным холодным климатом, и жизнью, полной трудностей, освящение лучших сторон саамов в его публикациях могло быть выше его сил.

Идеи Анделина имели серьёзное значение для финской культуры: по сравнению с финнами, Анделин считал саамов менее развитыми, примитивными людьми. Он был склонен к снисходительному, часто критическому отношению к ним в своих работах, иногда даже описывая их как грязных, похотливых и любящих выпить. Однако он верил в их потенциал дальнейшего развития и никогда не сомневался в их желании улучшить свою жизнь. Это то, что лежит в основе попыток Анделина довести уровень жизни саамов до уровня финнов. По мнению Анделина, цивилизованные финны должны были помочь саамам, чтобы разделить с ними то лучшее и высокое, что они имели, другими словами, предоставить саамам финский образ жизни [26, Kylli R.].

Литература / References

1. Kylli R. Kirkon ja saamelaisten kohtaaminen Utsjoella ja Inarissa 1742–1886, Rovaniemi, Pohjois-Suomen Historiallinen Yhdistys, 2005, pp.20–49.

²⁷ J Utsjoen Lapista. Kaiku, 18 December 1878.

²⁸ J. Utsjoen Lapista. Kaiku, 12 April 1879.

2. Jutikkala E. Työvoimapula vapauden ajan alussa. Suomen maatalouden historia: Perinteisen maatalouden aika – Esihistoriasta 1870-luvulle / ed. Rasila V., Mäkelä-Alitalo A. and Jutikkala E. Helsinki, SKS, 2003, p. 333.
3. Vainio-Korhonen K. Ujostelemattomat: Kättilöiden, synnytysten ja arjen historiaa, Helsinki, WSOY, 2012, pp. 15–16.
4. Niemelä J. Vain hyödynkö tähden: Valistuksen ajan hyötyajattelun, luonnontieteen ja talouspolitiikan suhde Per Adrian Gaddin elämäntyön kautta tarkasteltuna. Helsinki, Suomen Historiallinen Seura, 1998.
5. Linnaeus C. Lachesis Lapponica or a Tour in Lapland, Vol II, London, White and Cochrane, 1811, 97 p.
6. Fellman J. Anteckningar under min vistelse i Lappmarken I. Helsingfors, Finskalitteratursällskapet, 1906, pp. 10–627.
7. Pentikäinen J. and Pulkkinen R. Lars Levi Laestadius: Yksi mies, seitsemän elämää, Helsinki, Kirjapaja, 2011, pp.41–58.
8. Castrén M.A. Tutkimusmatkoilla pohjolassa. Matias Aleksanteri Castrénin matkakertomuksia suomentanut ja johdannon kirjoittanut Aulis J. Joki, Helsinki, Tammi, 1953, pp. 37–39.
9. Raiskio T. Euforiasta kulttuurisokkiin – yksilön kriisi värittää kuvaa vieraasta kulttuurista. Elektroninen aineisto, Oulu, 1997.
10. Tommila P. Oulun Wiikko-Sanomia 1829–1879: Oulun lehdistön alkutaival, Oulu, 1984, pp. 10–68.
11. Sulkunen I. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura: 1831–1892, Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004, p. 17–104.
12. Cooper F. Colonialism on Question: Theory, Knowledge, History, Berkeley, University of California Press, 2005, p. 164.
13. Thrush C. Vancouver the cannibal: cuisine, encounter, and the dilemma of difference on the northwest coast, 1774–1808, *Ethnohistory*, 2011, volume 58, pp. 1–35.
14. Raittila P. Jakob Fredrik Liljeblad: Yksinäinen herätysajan pappi. Tornionlaakson vuosikirja, 1968, p. 114.
15. Andelin A. Kertomus Utsjoen pitäjästä, Suomi, Tidskrift i fosterländska ämnen, Helsingfors, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1858, pp. 176–201.
16. Löytty O. Johdanto: Toiseuttamista ja tilakurittomuutta. Rajanylityksiä. Tutkimusreittejä toiseuden tuolle puolen/ ed. Löytty O. Helsinki, Gaudeamus, 2005, p. 11.
17. Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H. and Dasen P.R. *Cross-cultural psychology: Research and applications*, Cambridge University Press, 1992, p. 299.
18. Knox R. *The Races of Men: A Fragment*, Philadelphia, Lea & Blanchard, 1850, 148–153 p.
19. Kuokkanen R. Alkuperäiskansojen diskurssi ja dekolonisaatio. Koojotteja, Sulkapäähineitä, uraanikaivoksia. Pohjois-Amerikan intiaanien kirjallisuutta ja kulttuureja/ ed. Lakomäki, S. and Savolainen M. Oulu, Oulun yliopisto, 2002, pp. 240–264.
20. Taylor M.W. *The Philosophy of Herbert Spencer*, London, Continuum International Publishing Group, 2007, pp. 88–89.
21. Isaksson P. Kumma kuvajainen. Rasismi rotututkimuksessa, rotuteorioiden saamelaiset ja suomalainen fyysinen antropologia. [Inari], Puntsi, 2001, p. 180.
22. Isaksson P. Degeneroituneesta rodusta kehitysjäänteeksi, verisukulaisesta ventovieraaksi. Aate- ja oppihistorian lisensiaatintutkimus, Oulun yliopisto, 1995, pp. 158–161.
23. Desmond A. and Moore J. *Darwin*, London, Michael Joseph, 1991, xvii, pp. 47–48.
24. Majamaa R. Lönnrot Elias (1802–1884). Suomen Kansallisbiografia 6: Lehtonen–Mörne, Helsinki, SKS, 2005 / ed. Klinge M. et al., pp. 394–400.
25. Tommila P. and Tiitta A. Suomen tieteen historia: 1, Tieteen ja tutkimuksen yleinen historia 1880-luvulle. Porvoo, WSOY, 2001, 274–306, p. 420.
26. Kylli R. *Anders Andelin Utsjoen kirkkoherrana 1853–1859*, Pro gradu – työ, Oulun yliopisto, Historian laitos, Suomen ja Skandinavian historia, 1999.